

дневников и воспоминаний С. Л. Толстого, А. Б. Гольденвейзера, В. Ф. Булгакова, С. А. Толстой и неизданных дневников А. Л. Толстой и В. М. Фокриевой редактор успешно справился с этой задачей.

Н. Гусев

ПИСЬМА

1

Письма Толстого занимают в Юбилейном издании тридцать один том, с 59-го по 89-й. Кроме того, в последнем, сборном, т. 90 — опубликовано еще 191 письмо.

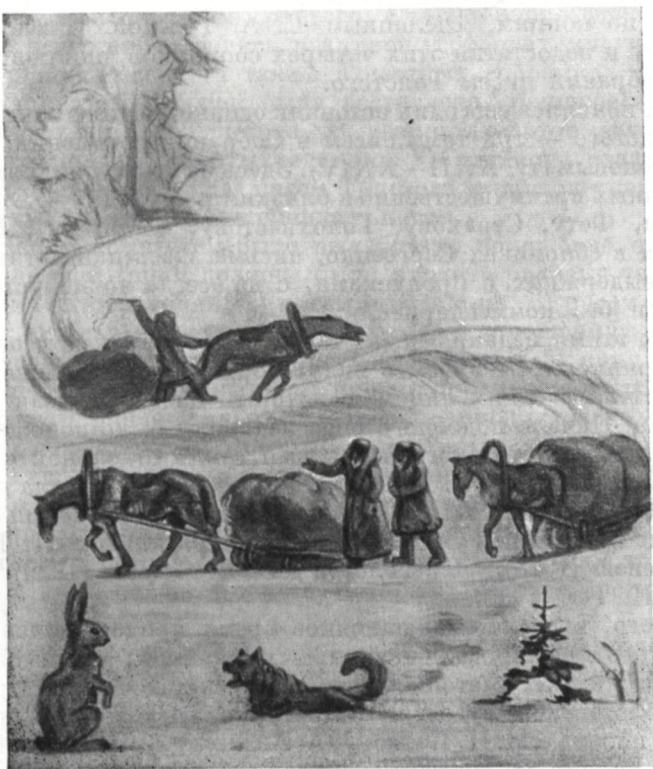

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»

(Издание не было осуществлено)

Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.

Собрание А. И. Пискаревой, Москва

Публикация обширного эпистолярного наследия Толстого началась еще при жизни писателя. Его письма, особенно те из них, которые представляли собой документы общественно-политического значения, время от времени появлялись на страницах периодической печати (например, письмо к Лескову от 4 июля 1891 г. о голоде — в газете «Новости», № 244, от 4 сентября; письмо к Короленко от 27 марта 1910 г. — в газете «Речь», № 106, от 18 апреля и др.).

В 1890 г. были изданы «Воспоминания» Фета, в которых большое место заняли письма Толстого к нему. В том же году за границей вышла книга Эрнста Кейхеля «Die Rettung wird kommen» («Спасение придет»), в которую вошли 30 писем Толстого к его венгерскому последователю

Евгению Шмиту. Много писем опубликовал — полностью и в отрывках — П. И. Бирюков в своей известной биографии Толстого, первый том которой вышел в 1906 г. Ряд толстовских писем был напечатан Чертковым в его лондонском издании «Свободное слово».

В 1910 г. вышел в свет сборник «Письма Л. Н. Толстого, собранные и отредактированные П. А. Сергеенко», а в 1911 г. — второй сборник, с таким же названием. Их продолжением явился вышедший в 1912 г. «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко. Под редакцией А. Е. Грузинского». Всего П. А. Сергеенко напечатал в трех сборниках 812 писем. Некоторые из них были приведены в выдержках, текст их был прочитан далеко не безупречно, в датировках было немало ошибок. В 1913 г. вышел том «Письма графа Л. Н. Толстого к жене» под редакцией А. Е. Грузинского, в котором письма Толстого были напечатаны по копиям, сделанным С. А. Толстой. И все же, несмотря на неполноту и недостатки этих четырех сборников, они положили начало изданиям собраний писем Толстого.

В 1913 г. появился еще один источник ознакомления с эпистолярным наследием Толстого — три тома писем в Собрании сочинений, выпущенном П. И. Бирюковым (тт. XXII—XXIV). Здесь было опубликовано 722 письма, обращенных преимущественно к близким и друзьям — С. А. Толстой, Кузминским, Фету, Страхову, Голохвастову, Фельтену, Попову и др. Так же, как в сборниках Сергеенко, письма здесь напечатаны во многих случаях в выдержках, с пропусками, с не всегда точно установленными адресатами и без комментариев.

Наряду с этими изданиями, в те же годы возник другой тип эпистолярных сборников. Мы имеем в виду сборники двусторонней корреспонденции писателя с одним лицом, с которым он был связан длительными отношениями. Начало подобного рода изданиям было положено в 1911 г., когда Общество Толстовского музея выпустило отдельной книгой «Переписку Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». В 1913 г. была издана «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». Эта традиция нашла свое продолжение в изданных уже в советское время книгах «Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев» (1928), «Лев Толстой и В. В. Стасов» (1929), «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге» (1930).

Кроме того, в послереволюционное время продолжалась публикация писем Толстого в различных специальных изданиях: «Толстой. Памятники творчества и жизни», «Летописи Государственного Литературного музея», «Сборник Толстовского музея», «Литературное наследство» и др. В них были напечатаны письма к М. Н. Каткову, А. А. Фету, В. П. Боткину, Л. Н. Андрееву, И. Е. Репину, П. И. Бартеневу и многим другим. Несмотря на эту активность в деле публикации переписки Толстого, задача собирания и обнародования *полного свода* писем писателя впервые возникла лишь перед Юбилейным изданием.

Коллективу специалистов, работавших над подготовкой к изданию эпистолярного наследия Толстого (М. А. Цявловский, В. А. Жданов, В. С. Мишин, Н. С. Родионов, А. С. Петровский, М. В. Муратов, Н. Д. Покровская, Э. Е. Зайденшнур и др.), пришлось проделать основательную предварительную работу. В результате изучения всех учтенных к тому времени писем Толстого, а также ответных писем его корреспондентов, дневниковых записей писателя, списков отправленных писем, которые в поздние годы велись М. Л. Толстой и Чертковым, был установлен примерный фонд толстовской переписки. После этого начались разыски подлинников писем и одновременно сбор материалов о корреспондентах писателя, многие из которых были в то время еще живы. Через адресные столы, сельские советы, различные местные краеведческие организации и другие административные и научно-общественные организации уста-

навливались адреса корреспондентов Толстого или их наследников. Затем по установленным адресам рассылались анкеты. Их было разослано несколько тысяч.

К корреспондентам Толстого или их родственникам обращались с просьбой передать в распоряжение Редакторского комитета имеющиеся у них подлинники писем, а также ответить на следующие вопросы: 1) Фамилия, имя, отчество корреспондентов, 2) год рождения, 3) род занятий в то время, когда велась переписка с Толстым, 4) когда и каким образом произошло знакомство с произведениями Толстого и с ним лично, 5) какие сведения, комментирующие письмо или письма, может сообщить корреспондент. Тех, кто лично общался с Толстым, приглашали поделиться своими воспоминаниями о нем. Сведения, полученные этим путем, относились, естественно, преимущественно к переписке поздних лет.

Кроме того, поиски писем Толстого, а также библиографических сведений об адресатах этих писем велись в архивных фондах многих учреждений дореволюционной России, а также в частных собраниях и коллекциях. Параллельно с этой работой была составлена библиография всех ранее опубликованных писем Толстого. В результате этой занявшей многие годы предварительной работы редакция Юбилейного издания получила возможность напечатать 8500 писем Толстого и список-указатель 1360 неразысканных или не сохранившихся писем.

Редакторским комитетом было выработано положение, по которому в тома эпистолярной серии должны были входить беловые тексты: 1) частных писем к частным лицам; 2) писем в редакции; 3) писем официального характера к отдельным лицам и в учреждения и «прошений»; 4) конспектов писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого; 5) приписок Толстого в письмах, не им написанных; 6) писем, продиктованных Толстым, им исправленных и подписанных; 7) писем, продиктованных и только подписанных Толстым; 8) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого, им исправленных и подписанных; 9) писем, написанных кем-либо по просьбе Толстого и только им подписанных; 10) коллективных писем, написанных кем-либо и подписанных Толстым, и 11) «совместных» писем, т. е. писем, в которых текст Толстого перемежается с текстом другого лица, или также писем, в тексте которых имеются вставки Толстого (т. 59, с. V).

Кроме того, в тома эпистолярной серии включены телеграммы Толстого, а также черновые тексты тех писем, беловые автографы которых неизвестны, или черновые варианты, резко отличающиеся от окончательного текста и представляющие вследствие этого самостоятельный интерес.

Что касается писем, относительно которых хотя и есть указания, что они написаны по просьбе Толстого, но которые не имеют ни его подписи, ни вообще ничего написанного его рукой, то такие письма учтены лишь в специальных списках; в публикации они не вошли.

Установленные в Юбилейном издании принципы отбора материала для эпистолярной серии не вызывают возражений. Включение всех перечисленных категорий писем позволило передать все своеобразие эпистолярного творчества Толстого, своеобразие облика писателя, жившего в мире широких общественных связей. Вполне обоснованным представляется, например, включение в состав томов писем-«прошений», написанных Толстым от имени яснополянских крестьян, обращавшихся со своими жалобами и обидами в различные правительственные инстанции. Напротив того, весьма спорным представляется создание в некоторых томах писем (59, 60, 82) отделов «Деловые бумаги». Здесь помещены такие документы, как, например, «отпускные», выданные Толстым своим крепостным крестьянам, или «Докладная записка», поданная Толстым на имя военного губернатора Тулы и тульского гражданского губернатора П. М. Драгана, или

доверенность на управление имением. В предисловии к серии «Письма» редакция обошла молчанием причины, по которым «деловые бумаги» вторглись в состав эпистолярной серии. Уж если нужно было включать официальные деловые бумаги и хозяйственные документы в Юбилейное издание, их следовало бы, на наш взгляд, не рассыпать по томам писем, а собрать в специальный том.

Помещая в эпистолярной серии не только частные письма, но также и письма официальные и общественные, составители сталкивались иногда с трудностями различения характера и назначения публикуемого документа. Толстой нередко придавал своим статьям характер «письма» или, напротив, обращаясь к определенному лицу, выходил за рамки частного письма, и из-под его пера выходила публицистическая статья. Редакторы совершенно правильно поместили известное «Письмо к китайцу» (т. 36) или «Письмо к индусу» (т. 37) в «первой» серии — в серии произведений. Но очевидным нарушением этого правильного принципа является опубликование в томах писем обращения «К группе шведской интеллигенции» (т. 72, № 3). Такое же замечание следует сделать и по поводу другого обращения Толстого — к «издателям „Московских ведомостей“» относительно голода в Самарской губернии (т. 62, № 26). В письме к А. А. Толстой от 30 июля 1873 г. (т. 62, № 30) сам автор называет это обращение «статьей».

Положенный в основу распределения материала по томам и внутри томов хронологический принцип мог бы не стать предметом особого разговора, если бы он не был нарушен. В печати уже отмечался один из существенных недостатков серии, недостаток всей ее структуры. Мы имеем в виду тот факт, что письма Толстого к жене и письма к Черткову выделены из общего хронологического порядка в отдельные тома. В эпистолярной серии эти письма составляют самостоятельные семь томов (83, 84 — письма к С. А. Толстой и 85—89 — письма к Черткову). Совершенно справедливо писала Л. Д. Опульская в статье «Монументальное издание» («Вопросы литературы», 1960, № 2), что «несостоятелен сам принцип в собрании сочинений Толстого делать центром какую-то другую личность, а не его самого». Несомненно здесь сказалось неизжитое к моменту начала работы над Юбилейным изданием в кругу лиц, близких к Толстому, апологетическое отношение к Черткову, стремление возвысить его роль и значение в биографии Толстого. Несомненно также, что в те годы, когда составлялся проспект издания, в памяти современников была еще жива пережитая Толстым в последний год жизни драма. И желание отделить и, быть может, даже противопоставить враждовавшие между собой стороны — Софью Андреевну и Черткова — стало той почвой, на которой возник такой исключительно субъективный принцип расположения материала. Неслучайно редакция не сочла нужным как-то обосновать этот свой принцип, или даже хотя бы его оговорить. Но как бы то ни было, это обстоятельство нарушило единство хронологического принципа распределения писем, что осложнило пользование серией и обеднило содержание томов.

Следствием этого было также значительное и неоправданное расширение примечаний, повторение материала в близких по хронологии томах, усложнение системы отсылок, двойная нумерация этих тематически сгруппированных писем. Место каждого из писем к Софье Андреевне и к Черткову в общем хронологическом ряду указывается соответствующей запумерованной строкой в каждом из общих томов, и эти же письма публикуются со своим номером в своей серии писем.

В предисловии к серии «Письма» Редакторский комитет заявляет, что «не только не имеет в своем распоряжении всех писем Толстого, написанных им за шестьдесят семь лет своей жизни (с 1844 г. по 1910 г.), но и не может с точностью определить их количество» (т. 59, с. VI). Разумеется, установ-

ление всех сохранившихся писем Толстого, разбросанных по всему земному шару, — дело еще многих лет. Но задача эта в значительной мере облегчена опубликованными в каждом из томов эпистолярной серии «Списками писем, текст которых неизвестен» (вначале эти указатели именовались иначе: «Список писем, не имеющих в распоряжении редакции»). Следует указать, что «списки» важны не только как путеводители для архивных поисков. Собранные в них сведения о 1360 письмах Толстого дают возможность расширить представление как о всей его корреспонденции в целом, так и особенно о характере переписки Толстого, относящейся к более ранним годам его жизни. Списки составлялись на основании изучения ответных писем, сохранившихся в архиве Толстого, его дневников, регистров написанных и отправленных Толстым писем, которые начиная примерно с 1900 г. велись Марией Львовной Оболенской и Чертовым, и других первоисточников.

Начиная примерно с 90-х годов, по мере того, как расширялась переписка Толстого, он стал для ведения своей корреспонденции прибегать к помощи секретарей: В. А. Лебрена, затем Н. Н. Гусева, а в последний год жизни — В. Ф. Булгакова, а также своих дочерей и других близких ему людей. Обычно Толстой на конверте полученного письма кратко формулировал характер ответа, но иногда указания о содержании ответного письма давались устно. В соответствии с выраженными Толстым мыслями и пожеланиями и составлялись эти письма. Так возникли «письма по поручению», аннотированные списки которых также представлены в Юбилейном издании. Несколько тысяч такого рода писем, приведенных в этих списках с указанием адресата и даты написания ответа, а порой и сохранившейся надписи Толстого на конверте, определявшей характер ответного письма, существенно расширяют представление о масштабе переписки Толстого и представляют значительный интерес для исследователя.

Толстой отвечал не на все поступавшие к нему письма, обычно он кратко на конверте полученного письма формулировал мотивы, по каким не считал нужным отвечать. Эти пометы, особенно тогда, когда в комментарии к ним приводится и содержание того письма, к которому они относятся, также несомненно принадлежат к эпистолярному наследию Толстого. Правильно поступили редакторы томов, составивших «Списки писем с пометами Толстого на конвертах» (тт. 77—78 подготовлены В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшпур, т. 79-80 подготовлен В. С. Мишиным). К сожалению, этот принцип не выдержан до конца: в тт. 75—76, 81—82 такого рода списков мы не находим.

В заключение, говоря о составе эпистолярной серии, следует указать на отдельные промахи и ошибки, допущенные в некоторых томах. Так, например, дважды напечатано письмо к Н. В. Давыдову: один раз с датой 11 июня 1894 г. в т. 67 (№ 152) и второй раз с датой «конец июля 1895 г.» в т. 68 (№ 133). В т. 61 черновик письма к известному математику, вице-президенту Академии наук В. Я. Буняковскому, в котором Толстой просит рассмотреть «математическую часть прилагаемой „Азбуки“», напечатан как второй вариант письма к Д. А. Толстому (№ 419).

В т. 60 (№ 38) письмо к В. В. Арсеньевой от 19 ноября 1856 г. заканчивается абзацем другого письма Толстого к ней же. По предположению Л. Д. Опульской, этот абзац относится к письму Толстого от 11 сентября 1856 г. («Вопросы литературы», 1960, № 2).

В т. 60 при публикации письма к Е. П. Ковалевскому от 5/17 марта 1861 г. (№ 192) неверно указано местонахождение оригинала (Центрархив) и пропущено указание на фонд, где оно сохранилось (Главное управление цензуры). Не отмечено также, что письмо это впервые опубликовано Ю. Г. Оксманом в журнале «Звезда», 1929, № 12 (стр. 185—186).

2

Из 8500 писем, вошедших в издание, по автографам напечатано 4785 писем, т. е. больше половины. Если при этом учесть, что с 1898 г. в доме Толстого был установлен копировальный пресс и большинство писем поздних лет, прежде чем быть отправленными, копировались (копии составили девять копировальных книг, хранящихся в настоящее время в Архиве Толстого), то очевидно, что редакторы имели возможность в случае отсутствия автографа пользоваться копиями, почти всегда идентичными отправленному письму. Из этого факта можно сделать вывод, что тексты подавляющего большинства писем воспроизведены по аутентичным источникам.

Проблема текста возникала лишь в тех случаях, когда отсутствовала возможность сверки ранее опубликованного документа с автографом. Но и здесь исследователи Толстого оказывались в более благоприятных условиях, чем исследователи творчества других русских писателей. Дочери Толстого Татьяна и Мария, а также Чертков, стремившиеся сохранить для будущих поколений все, что выходило из-под пера Толстого, снимали машинописные, а иногда и рукописные копии с писем Толстого, и в их архивах сохранились тетради, содержащие эти копии.

О том, какую службу сослужили эти тетради, можно судить по следующим примерам. Письмо к М. А. Шмидт от 29 августа 1890 г. сгорело, но сохранилась собственноручно сделанная ею копия, по которой письмо было в 1929 г. опубликовано. Однако сверка этой копии с текстом этого же письма, зафиксированного Чертковым в его рукописной тетради (№ 15), позволила редакторам т. 64 В. А. Верховской и В. С. Мишину устранить погрешности копии, снятой самим адресатом. Другое письмо к М. А. Шмидт от 9 августа 1890 г. также сгорело. Его текст восстановлен на основании сопоставления двух копий, машинописной и рукописной (т. 65, № 126), сохранившихся в архиве Черткова. Письмо к американскому инженеру Чарльзу Андерсену от 25 августа 1890 г. хранилось у адресата, и текст его остался бы неизвестным, если бы не была снята с него Чертковым рукописная копия, по которой оно напечатано в т. 65 (№ 131).

Письмо к М. С. Дудченко от 10 декабря 1903 г. (т. 74, № 335) было впервые опубликовано в 1903 г. в «Свободном слове» (№ 8) без указания адресата и с большими пропусками. Автограф его не сохранился, но редактор располагал рукописной копией и двумя черновиками, причем один из них содержал собственноручную приписку Толстого, отсутствовавшую в первой публикации. Сличение всех относящихся к этому письму материалов позволило освободить текст от ошибок, имевшихся в первой публикации, и, если не полностью восстановить, то максимально приблизить его к тексту письма, отправленного Толстым.

Известную сложность представляли случаи, когда в распоряжении редактора не было ни белого автографа, ни копии с него и когда текст письма был известен по нескольким черновым редакциям. Так, например, письмо к А. М. Калмыковой (т. 69, № 103) было опубликовано в «Свободном слове» в 1897 г. под названием «Письмо к либералам». Сохранилось шесть редакций этого чрезвычайно важного документа, в котором Толстой высказывает свое отношение к революции, к правительству, современному освободительному движению. Сравнение сохранившихся черновых набросков с текстом публикации в «Свободном слове» указывало на дефектность и неполноту напечатанного текста. Редактор А. С. Петровский поступил правильно, напечатав письмо не по печатному источнику, а по машинописной копии, в которой, наряду с собственноручными поправками Толстого, имелась также и его подпись, что указывало на близость этого текста к той окончательной редакции, в которой письмо было послано адресату.

В Архиве Толстого сохранилось сравнительно много черновиков его писем, относящихся к письмам как отправленным, так и неотправленным, к письмам известным в окончательном тексте или в копии, или окончательный текст которых остался неизвестным. Не могут вызывать сомнений те случаи, когда черновик текста недошедшего письма публикуется взамен отсутствующего письма в своем хронологическом ряду, как это сделано, например, по отношению к письмам к Каткову (т. 60, № 132) и Фету (т. 63,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»

(Издание не было осуществлено)

Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.

Собрание А. И. Пискаревой, Москва

№ 31). Нам представляется также правильным и принцип, который был установлен применительно к случаям, когда в распоряжении редактора имелись не только беловые автографы, но и черновые варианты писем. В этих случаях, как говорится в предисловии, «из черновых текстов» печатаются лишь те, которые «по мнению редактора, представляют интерес со стороны содержания» (т. 59, с. V). Действительно, не имело смысла загромождать тома черновиками, которые мало чем отличаются от окончательного текста печатаемого документа. Так, на наш взгляд, следовало напечатать черновик письма к В. П. Буренину (т. 64, № 28), по которому можно судить о том, каких трудов стоило Толстому в угоду своей философии любви и всепрощения говорить «добрые слова» человеку, чье поведение не могло не вызывать в нем отвращения и протеста. Большое значение для

выявления общественной позиции Толстого имеет черновик его письма к Николаю II (т. 73, № 204)...

Определенные трудности возникали тогда, когда редактор стоял перед дилеммой выбора между черновиком, написанным рукой Толстого, и копией, сделанной переписчиком. Нам представляется сомнительным принципиальное предпочтение, которое в этих случаях иногда оказывалось черновику на том лишь основании, что черновик этот — автограф. К примеру, в т. 63 опубликовано письмо к Александру III от 8—15 марта 1881 г., написанное Толстым ради спасения жизней революционеров, убивших Александра II. Письмо в том виде, в котором оно было отправлено царю, до нас не дошло. Сохранились лишь черновая первоначальная редакция письма, написанная Толстым, а также копия с более позднего текста, сделанная С. А. Толстой, в которой также имелись собственноручные поправки Толстого. Редакторы тома М. А. Цявловский и В. С. Мишин указывают, что черновик является «первоначальной редакцией письма», однако они печатают его, а не копию, отражающую более позднюю стадию работы над документом, и при этом вносят в публикуемый автограф поправки Толстого из копии, то есть допускают контаминацию текста.

С аналогичным случаем встречаемся и в т. 66. Здесь письмо к немецкой писательнице Берте фон Зуттнер от 9 октября 1891 г. (т. 66, № 47) опубликовано по «черновику рукою С. А. Толстой с исправлениями и подписью Толстого», хотя письмо было тогда же опубликовано за границей по автографу, а кроме того сохранилась копия с него в архиве Черткова.

Остановимся еще на одном недостатке текстологии эпистолярной серии. В ряде случаев письма печатаются по тексту первой публикации, хотя была возможность печатать по автографам. Так, письмо к Лескову от 21—22 января 1891 г. (т. 65, № 215) печатается по тексту, опубликованному в «Летописях Государственного Литературного музея» (кн. 2, 1938, стр. 53). Указание на автограф в Юбилейном издании отсутствует, и это заставляет предполагать, что он не сохранился. Но из соответствующих примечаний в упомянутых «Летописях» узнаем, что письмо приведено здесь по копии, которой располагает Литературный музей, а подлинник хранится в Ленинграде в Центральном архиве.

Письма к Н. А. Некрасову в т. 62 (№№ 54, 168, 188) печатаются по тексту публикации в «Литературном наследстве», т. 51-52 (стр. 526), где они были опубликованы по копиям, хранившимся у В. Е. Евгеньева-Максимова (ныне в ИРЛИ). Но в комментарии отсутствует необходимое пояснение, по каким причинам редакция печатает тексты писем Толстого по публикациям, а не по их первоисточникам.

Случаи неверного или неполного прочтения текстов толстовских писем имеются, но они сравнительно немногочисленны. Б. М. Эйхенбаум в рецензии на сборник «Л. Н. Толстой о литературе» («Вопросы литературы», 1957, № 1) указал на пропуск нескольких слов в письме к Н. А. Некрасову от 3 июля 1852 г. (т. 59, № 63). Напечатано: «от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой до конца» вместо «от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой, от 26-ой до конца». На ряд текстологических погрешностей указала также Л. Д. Опульская в вышеупомянутой статье. Приведем некоторые наиболее досадные из них. Так, в письме к П. В. Анненкову от 22 апреля 1857 г. (т. 60, № 70) вместо логического предложения «куда вы мне и пишите, если захотите меня этим истинно обрадовать» напечатано: «куда вы мне пишите, ежели захотите мне этим истинно обрадовать»; в том же письме в автографе: «Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть», а напечатана бессмыслица: «Записка забавная, но рассказы его — изустная прелесть». В письме к Некрасову от 21 января 1858 г. (т. 60, № 103) вместо слов: «чтобы он и заботился» нужно читать: «чтобы он и не заботился». В письме к Фету от 17/29 октября 1860 г. (т. 60,

№ 184), в котором Толстой описывает смерть своего брата Николая, целая фраза дана с грубым искажением смысла. В автографе: «Что как увидишь ее хорошенько, ясно, так очнешься и с ужасом скажешь, как брат: „Да что ж это такое?“», а в напечатанном тексте слово «брат» разобрано как «стоит». В другом письме к Фету от 28 мая 1861 г. (т. 60, № 211), в котором речь идет о ссоре, происшедшей между Толстым и Тургеневым, вместо фразы: «я послал другое письмо довольно жесткое и с вызовом» напечатано: «я послал другое письмо довольно жесткое, с вызовом». Письмо к С. А. Толстой от 9 ноября 1891 г. заканчивается в подлиннике словами: «Твоя мысль напечатать в газетах о том, что деньги, полученные за представление „Плодов просвещения“, пожертвованы театральной дирекцией, — очень хороша», а в публикации Юбилейного издания начало этой фразы искажено: «Твоя мысль не печатать...» (т. 84, № 467).

Укажем в заключение данного раздела на два, еще не отмечавшихся в печати, случая неполного и неверного воспроизведения в издании толстовских эпистолярных текстов.

Письмо к Д. В. Григоровичу от 5 мая 1856 г. (т. 60, № 9), являющееся частью совместного письма группы литераторов, напечатано без четырех приписок Толстого, сделанных в разных местах этого коллективного послания. После текста Дружинина Толстой написал: «Не думайте о своих долгах разным Андреасам, а примите к сведению, что нынешнего лета никогда больше не будет». Весьма фривольная фраза того же Дружинина вызвала следующую запись Толстого: «Я знаю, что для вас все-таки дороже всего спасительно-нравственное уединение и искусство». К тексту Гончарова Толстой приписал шутливые стихи:

Не верь тому, что пишет Гончаров
Зане он по душе завистлив и суров.

После рассказа Бодиско о своих «чернокнижных» похождениях Толстой обратился к Григоровичу со словами: «Я все-таки не верю, что вы развратный человек» (подпись Бодиско неясна, авторство его устанавливаем на основании приписки Дружинина, в которой это имя упоминается). В т. 60 отсутствуют не только все эти приписки, но также, проставленная рукой Толстого дата: «5 мая». Кроме того в принадлежащей Толстому части письма ошибочно напечатано «...давно собирался вам писать», вместо «давно собирался вам написать».

В т. 60 это письмо напечатано со звездочкой (так обозначаются в издании *впервые* публикуемые письма). На самом же деле оно впервые опубликовано в газете «Горьковский рабочий», 1934, № 232, от 5 декабря.

В автографе письма к А. В. Дружинину от 21 сентября 1856 г. читаем: «...раз взявшись за литературу нельзя эгим шутить, а отдаешь ей всю жизнь», напечатано же вместо «отдаешь» — «отдать» (т. 60, № 25).

3

Важным элементом в работе над томами эпистолярной серии являлась датировка писем. Исследовательские задачи, связанные с установлением даты письма, как правило, чаще всего вставляли перед редакторами, готовившими первые тома серии, т. е. тома писем 50—70-х годов. Письма этого периода часто не имеют авторских дат. В гораздо меньшей степени такого рода необходимость возникала перед редакторами томов, относящихся к поздним годам жизни Толстого. В этот период письма датировались не только самим Толстым, но, начиная с 1899 г., они регистрировались в особом яснополянском журнале, где проставлялась дата написания и отправления письма.

В целом, задача установления дат толстовских писем решена в издании успешно. Отдельные просчеты имеются, но они относительно немногочисленны. Приведем несколько примеров ошибочных или неточных редакторских дат.

С неверной датой напечатано в т. 60 письмо № 133 к К. С. Аксакову: его нужно датировать не 26 апреля 1859 г., а 27 января 1856 г. (см. об этом в статье Н. П. Пузина «К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Т. Аксакова». — «Известия Отд-ния литературы и языка АН СССР», 1956, т. XV, вып. 2). Требуется уточнений дата записки Толстого к А. Н. Островскому, отнесенная в т. 60 (№ 49) к 1856 г. Из содержания записки следует, что Толстой писал ее по возвращении из Петербурга в Москву, где в то время находился также и его адресат. В 1856 г. Толстой из Петербурга приезжал в Москву в мае, но в это время не было там Островского, совершавшего свою известную поездку по Волге и, таким образом, эта записка не могла быть написана в 1856 г. Сопоставление данных позволяет сделать вывод, что записка могла быть написана только в марте 1858 г. Из Петербурга Толстой вернулся 18 марта 1858 г. В записке он предлагает Островскому свидеться с ним, интересуется Горбуновым. Из дневника Толстого известно, что 28 марта Островский и Горбунов навестили Толстого (т. 48, с. 11).

Сомнительна дата письма 10—11 января 1862 г. к Фету (т. 60, № 228). В этом письме Толстой в связи с пересланной ему выдержкой из письма Тургенева от 8 ноября 1861 г. в весьма грубой форме порывает с Фетом. Редакторы тома не подвергли сомнению неверную дату «7 января», под которой Фет опубликовал в своих воспоминаниях упомянутое письмо к нему Тургенева; не показалось им также странным, каким образом письмо из Парижа в Степановку и из Степановки в Ясную Поляну могло дойти за пять дней. Но есть и другое обстоятельство, которое выпало из поля зрения редакторов тома. Известно, что в январе 1862 г., примерно между 14 и 20 числами, произошла встреча Фета с Толстым в маскараде, и между ними состоялось примирение. Вряд ли оно могло произойти вскоре после получения письма, заканчивавшегося словами: «И прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших так же, как и Т<ургенева> писем распечатывать не буду» (т. 60, с. 413). Очевидно, письмо Толстого было написано в начале декабря 1861 г., т. е. не раньше того времени, когда письмо Тургенева от 8 ноября 1861 г. могло дойти из Парижа до Фета и Толстого.

В т. 64 (№ 116) письмо Толстого к С. Т. Семенову, являющееся припиской к письму Черткова, датировано 9 сентября 1887 г. на основании даты письма Черткова. Но Чертков, написав свое письмо к Семенову, отослал его сначала в Ясную Поляну, и Толстой 15 сентября сообщал ему: «Получил ваше письмо Семенову, очень одобрил его, приписал несколько слов и отправил» (т. 86, № 156). Очевидно, что письмо-приписку безусловно следует датировать не 9 сентября, а 14 сентября, т. е. тем днем, когда Толстой отправил С. Т. Семенову другое большое письмо, которое начиналось словами: «Посылая вам все это, хочется сказать и от себя несколько слов». «Все это» — упомянутое письмо Черткова к Семенову с припиской Толстого. Следовательно, и письмо и приписка были отправлены одновременно и датировать их следует одним числом — 14 сентября.

Эта ошибка не произошла бы, если бы письма Черткова не оказались изолированными от всей переписки Толстого. По этой же причине неверно датировано письмо к Тищенко в т. 64 (№ 89). Толстой пишет Черткову 30 мая 1887 г. (т. 86, № 146): «...нынче получил ваше письмо Тищенко», однако письмо к Тищенко, написанное по получении этого письма Черткова, датируется 25 мая.

Изучение писем Фета к Толстому позволяет уточнить дату письма Толстого, помеченного ноябрем 1877 г. (т. 62, № 554) на основании

того факта, что Фет в 1877 г. намеревался в декабре навестить Толстого, о чем говорится в этом письме. Однако в письме есть и другое, что не могло быть написанным в 1877 г. — намеки на взаимное непонимание, обиды и недовольство друг другом. Кроме того, Толстой для уяснения своей позиции отсылает Фета к какой-то своей «книге», в которой он яснее выразил «свои мысли», чем в предыдущем своем письме. Все это заставляет предполагать, что письмо написано в 1880 г., когда между Толстым и Фетом обозначились идейные расхождения, когда Толстой послал Фету 10—15 октября (т. 63, № 31) пространное письмо с изложением своего нового мирозерцания и, наконец, когда он работал над «Соединением и переводом четырех евангелий», где он излагал более ясно и более подробно те «свои мысли», которые вызвали возражения Фета.

Недостаточно точно датировано письмо к Н. М. Нагорнову (т. 62, № 149). Его следовало отнести не к концу февраля, а к первым числам февраля 1875 г. Речь в нем идет о корректуре первого листа *первой* части «Новой азбуки», а уже в середине февраля Толстой получил первый лист *второй* части (см. т. 22, с. 507 и т. 62, № 137).

4

Комментарий к письмам Толстого в Юбилейном издании, помимо обычных справочных и разъясняющих примечаний, содержит также сведения источниковедческого и текстологического характера: в комментарии приводятся данные о времени и месте первой публикации каждого письма, дается аргументация выбора текста, приводятся (иногда) варианты из черновых автографов и т. п.

Несмотря на то, что в общем тип комментария оставался единым для всей серии, конкретные задачи, которые необходимо было решать комментаторам писем разных периодов жизни Толстого, вносили в этот единый тип довольно заметные различия.

В юности и в годы молодости круг корреспондентов Толстого был сравнительно невелик и ограничен родными, близкими, друзьями, небольшой группой литераторов. Следовательно, задача установления личности адресата редко возникала перед редактором, зато в очень многих случаях необходимо было установить даты писем, поскольку в те годы Толстой, как уже сказано, часто не проставлял даты на своих письмах. Упоминания в письмах 50—70-х годов многих событий общественно-литературной жизни, эпизодов журнальной борьбы, малоизвестных лиц, забытых литературных произведений требовали от комментатора большой исследовательской работы для составления необходимых справок. Эти вопросы в значительно меньшей степени стояли перед теми редакторами, которые подготавливали к печати переписку конца века и начала нового, XX века. В этот период письма датировались Толстым и отмечались в журналах, упоминаемые события и факты подчас еще были живы в памяти самих редакторов и не требовали для пояснения сложных разысканий. Главная трудность тут была другая: в те годы к Толстому обращались со своими сомнениями и недоумениями, вопросами житейского и религиозно-нравственного характера, с жалобами и просьбами сотни неизвестных людей.

По конвертам писем, по регистрационным книгам яснополянской почты можно было установить имена лишь некоторых корреспондентов Толстого. Очевидно, что эти краткие записи или обратные адреса ничего почти не давали комментаторам. Им пришлось затратить много усилий, чтобы найти необходимые данные об этих безвестных людях, обменивавшихся письмами с Толстым. Эта часть комментария выполнена с большой тщательностью.

Число писем, адресатов которых не удалось установить, ничтожно мало, и почти обо всех адресатах собрания и приведены необходимые биографические сведения.

Однако обстоятельность комментария не всегда правильно соотносена с комментируемым документом, некоторые комментарии, особенно в томах, вышедших до войны, отягощены балластом документальных и справочных материалов, вовсе ненужных для понимания комментируемого письма или нужных лишь в отдельных извлечениях. Поскольку перед эпистолярной серией стояла задача опубликовать письма самого Толстого, а не двустороннюю переписку, постольку ответные письма могли и должны были быть использованными в издании лишь как элемент комментария. Так это и сделано во многих томах. Но единого такого подхода в издании нет. Так, например, в т. 59 (вышел в 1935 г.) ответные письма к Толстому — Т. А. Ергольской, С. Н. Толстого, Николая Толстого, Некрасова, Панаева и др. — напечатаны целиком. Порочность тенденции воспроизводить в комментариях ответные письма полностью особенно наглядно проявилась в томах писем к С. А. Толстой и Черткову. Первый том писем к жене (83) вышел в 1938 г., т. е. через два года после выхода в издательстве «Academia» книги «Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому», в которой было опубликовано 443 письма Софьи Андреевны к Толстому. Эти письма без всякой необходимости почти полностью были вновь воспроизведены в комментариях т. 83.

В тт. 85—87 письма Черткова, в большей части своей проникнутые откровенной и фанатической проповедью идей толстовства, заняли больше места, чем письма самого Толстого. Они не столько комментируют последние, сколько раскрывают взгляды и настроения самого Черткова, передают его суждения о том, о чем пишет Толстой (см., например, в т. 87 письма №№ 129, 215, 218 и др.).

Столь же неоправданным является широкое цитирование в комментариях дневников Толстого, публикуемых в том же Юбилейном издании, а также (особенно в томах писем к С. А. Толстой и Черткову) писем писателя, вошедших в другие тома.

Примечания в тт. 59, 63 и 72 часто представляют собой развернутые биографические очерки лиц, упоминаемых Толстым в своих письмах, иногда даже с приведением родословных.

Отмеченные в Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1939 г. серьезные идейные недостатки научного аппарата Юбилейного издания в полной мере относятся также и к примечаниям в томах эпистолярной серии. С большими и часто ненужными подробностями излагались биографии толстовцев (Бирюкова, Буланже, Озмидова и др.), различных религиозных искателей «истины» (Бондарева, Маликова и др.), сектантов и духоборов.

Кроме того, эти примечания заполнены многочисленными ссылками на статьи, работы, воспоминания толстовцев о Толстом, а также на литературу по истории русского сектантства, духоворческого движения. В итоге примечания (т. 63, с. 66, 76—77, 227—230) превращались в ряде случаев в обстоятельный справочник по истории религиозных движений конца века и их связи с толстовством. Причем все это излагалось объективистски, а иногда и апологетически по отношению к самым слабым, реакционным сторонам мировоззрения Толстого и его последователей, без необходимой политической оценки.

Увлекаясь биографическими очерками самостоятельного характера, перегружая комментарий формально-справочным материалом (особенно в томах, вышедших до войны), редакторы писем Толстого в то же время в ряде случаев неясные места в текстах толстовских писем оставляли нераскрытыми. Приведем несколько примеров.

В письме от 17 февраля 1858 г. (т. 60, № 104) Толстой просил Некрасова передать В. М. Аничкову, что он не может дать ему «решительного ответа» раньше марта, и при этом подчеркивал важность своей просьбы: «это мне очень нужно». — О чем идет здесь речь? В примечаниях вместо ответа на эти вопросы находим справку об Аничкове и о его служебном положении, данную вне всякой связи с Толстым и его просьбой. Но сохранились письма Аничкова к Толстому, которые помогают понять неясное

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СБОРНИКУ «ТОЛСТОЙ О ПРИРОДЕ»

(Издание не было осуществлено)

Цветная литография Н. И. Пискарева, 1940 г.

Собрание А. И. Пискаревой, Москва

место в толстовском письме к Некрасову. В 1858 г. Аничков стал редактором «Военного сборника» и обратился к Толстому с просьбой принять участие в первом номере сборника, который по приказанию государя должен был быть «составлен» к началу марта и дан ему для прочтения. Толстой торопился передать свой отказ от участия в сборнике еще в феврале, чтобы Аничков, готовя первый номер, на него не рассчитывал.

18 декабря 1857 г. (т. 60, № 101) Толстой просит Некрасова узнать у поэта А. Н. Майкова, получил ли он стихи от С. Т. Аксакова. Комментарий не поясняет этих строк, хотя нужно было бы пояснить, что речь тут шла о стихах С. Т. Аксакова «31 октября» и «17 октября», последнее из них было посвящено А. Н. Майкову.

Еще один случай недостаточного комментирования. Толстой в письме к Некрасову от 11 октября 1857 г. (т. 60, № 90) высказывает свое мнение о

сентябрьской книжке «Современника» и тут же замечает, что «Современное обозрение» в номере «хотя и интересно, вышло не то, как я ожидал». «Слишком оно петербургское, а не русское» (т. 60, № 90). Примечания повторяют все, что уже известно из письма, а именно, что речь идет о «Современном обозрении», которое напечатано в «Современнике» в номере таком-то. Но ничего не сказано ни об авторе этого обозрения, ни о его содержании, ни о том, что скрывается за словами Толстого. Если учесть, что отзыв Толстого относится к статье, в основном написанной Чернышевским и Добролюбовым, в которой затрагивались острые вопросы современности, обсуждались политические проблемы, то мнение Толстого приобретает особый интерес, и не остановиться на нем нельзя было. Редакторы в данном случае допустили серьезный недосмотр.

В примечаниях к письму к Фету от 23 февраля 1860 г. (т. 60, № 163, с. 326) указывается, что письмо Фета, на которое отвечает Толстой, неизвестно. Но это письмо, датированное 12 февраля, находится в Архиве Толстого. В т. 65 (№ 183, с. 198) сказано, что «все» письма Лескова к Толстому за 1890 г. не сохранились. Это неверно. Два письма Лескова за этот год (от 17 ноября и 6 декабря) хранятся в Архиве Толстого.

В примечаниях к письму П. В. Засодимского (т. 65, № 210, с. 219) упоминается его рассказ «У потухшего камелька», хотя рассказ этот и в журнальной публикации в «Северном вестнике» и в двухтомном собрании сочинений писателя 1895 г. называется «Перед потухшим камельком». Статья Фета (т. 62, стр. 123) называется не «Голос мирового судьи», а «Отголосок мирового судьи» («Русский вестник», 1877, № 9).

В письме к Я. П. Полонскому от 26 февраля 1891 г. (т. 65, № 245, с. 260) Толстой просит передать привет жене Полонского «и бывшему мальчику, которому Тургенев милый рассказывал сказку про незнайку». В примечании к этому месту говорится, что речь идет о сыне Я. П. Полонского Александре, «для которого Тургенев написал несколько сказок и стихотворение „Всезнайка“». Однако Тургенев никаких сказок *не писал*, а речь идет о тех устных импровизациях, которые он сочинял для сына Полонского и о которых нам известно только из воспоминаний поэта («Нива», 1884, № 6).

В письме к Ф. И. Рыбакову от 23 мая 1893 г. (т. 66, № 465) Толстой цитирует строки из стихотворения Шиллера «Друзьям». Комментатор напрасно находит здесь у Толстого ошибку и приписывает эти строки Руссо.

Следует указать на те изменения, которые претерпел комментарий к толстовским письмам на протяжении тех 30 лет, в течение которых выходило Юбилейное издание. Выше уже было сказано о перегруженности примечаний в томах, вышедших в 30-е годы, материалами случайными, иногда вовсе ненужными для пояснения публикуемого текста. В томах, вышедших после войны, тип примечаний приобрел тот характер, который отвечает современным требованиям публикации историко-литературных документов. К сожалению, однако, в совершенно необходимой борьбе с излишествами комментариев были допущены некоторые крайности и ошибки. В результате в тт. 68-69, 73—82, 88-89 комментарии оказались слишком лапидарны и элементарны: ответные и встречные письма, ранее публиковавшиеся целиком, стали даваться либо в недостаточных для комментария извлечениях, либо совсем не упоминаться.

Недопустимо краткими стали аннотации в списках писем, текст которых остается неизвестен. Была, в частности, снята вся чрезвычайно важная и по существу необходимая аргументация, на основании чего устанавливается существование того или иного еще не разысканного или утраченного письма.

К научному аппарату томов эпистолярной серии относятся также аннотированные именные указатели, приложенные к каждому тому, а также весьма облегчающие пользование томами алфавитные списки адресатов.

* * *

Тридцать томов серии «письма» вобрали в себя труд большого коллектива исследователей, любовно и бережно собравших огромное эпистолярное наследие Толстого; они представляют собой выдающееся достижение советской науки. И все же работу по собиранию писем Толстого нельзя считать завершенной. Более 30-ти писем, обнаруженных уже после выхода последнего т. 90 Юбилейного издания в различных архивах и публикуемых в настоящем томе «Литературного наследства», свидетельствуют о том, что вне поля зрения исследователей находится еще много неизвестных эпистолярных документов Толстого. Предстоит еще кропотливая работа по разысканию остальных писем, но в огромной мере она облегчится монументальным сводом писем Толстого в Юбилейном издании — драгоценном источнике знаний о жизни и творчестве писателя.

С. Розанова

P. S.

Сообщаем дополнительно несколько замечаний об одном пропуске, допущенном в своде писем Толстого, собранных в Юбилейном издании, а также по поводу неправильностей и неточностей, имеющихсЯ в комментариях к письмам Толстого в тт. 60 и 67.

Как известно, автографы некоторых писем Толстого, находящиеся за рубежом, именно там публиковались впервые. Но, по-видимому, не все эти публикации были известны редакторам Юбилейного издания. Вот один такой пример. В 1929 г. Сергей Якобсон напечатал в статье «Briefe von und über L. N. Tolstoj (Aus dem Nachlass von Raphael Löwenfeld)» в журнале «Zeitschrift für slavische philologie», 1929, т. V, вып. 3-4, стр. 374—375 письмо Толстого к немецкому переводчику Рафаэлю Левенфельду от 26 июня 1893 г., в котором идет речь о напечатании перевода XII главы трактата «Царство божие внутри вас», а также семнадцать писем к тому же адресату, написанных по поручению Толстого членами его семьи и друзьями. Публикация эта осталась вне поля зрения исследователей по Толстому, не знали ее и редакторы томов писем Толстого в Юбилейном издании. Поэтому указанное письмо Толстого в это издание не вошло.

ПечатаЯ в 1928 г. письмо Толстого к Тургеневу из Женевы от 28 марта/9 апреля 1857 г., А. Е. Грузинский и М. А. Цявловский отмечали: «Судя по тому, что оно сохранилось в архиве Толстого, оно, вероятно, не было отправлено» («Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 35). В комментариях к этому письму в т. 60 Юбилейного издания полностью повторена та же фраза (лишь слово «вероятно» заменено словом «по-видимому»), а в заголовке письма (№ 65) более категорически указано: «Неотправленное». В действительности, это интересное письмо, в котором Толстой делится своими впечатлениями о Париже, было им отправлено и даже существует оставшийся неизвестным редакторам обоих изданий отклик Тургенева на это письмо Толстого. Вот что Тургенев писал П. В. Анненкову 3/15 апреля 1857 г. из Парижа:

«Я еще здесь, любезнейший П. В., но уже один — Толстой внезапно уехал в Женеву — и уже написал мне оттуда презамечательное письмо, где он называет Париж Содомом и Гоморрой, а себя сравнивает с камнем на дне реки, которого заносит понемногу илом и которому непременно

нужно вдруг сорваться с места и поискать другую реку, где, быть может меньше илу. Действительно, Парижовсе не приходится в лад его духовному строю; странный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю: смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича — что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо — высоко нравственное и в то же время несимпатическое существо. Он собирается долго прожить на берегу Женевского озера, но я полагаю увидеть его через месяц в Лондоне, куда я еду 1-го мая н. ст.» («Наша старина», 1914, № 12, стр. 1073—1074).

Совершенно очевидно, что здесь идет речь именно о письме Толстого к Тургеневу от 28 марта/9 апреля, в котором Париж дважды назван Содомом. Правда, в нем нет цитируемых Тургеневым слов, в которых Толстой сравнивает себя с камнем на дне реки, но это, на наш взгляд, объясняется лишь тем, что указанное письмо Толстого печатается по черновику, сохранившемуся в его архиве. Переписывая письмо для отправки Тургеневу, Толстой, очевидно, дополнял его, в частности, внес фразу — сравнение с камнем на дне реки.

Спустя четыре недели после отправки письма к Тургеневу из Женевы, Толстой написал 22 апреля/4 мая из Кларана П. В. Анненкову, которому сообщил о встрече с Михаилом Ивановичем Пушным (братом ближайшего друга Пушкина). В том же письме Толстой указывал, что посылает Анненкову «записку Пушина». Комментаторы поняли слова Толстого буквально и решили, что Анненкову одновременно было отправлено небольшое письмо-мецо Пушина. В комментариях сказано: «Записка Пушина, о которой говорится в этом письме, не сохранилась» (т. 60, с. 183). Между тем из письма Толстого было ясно, что речь идет о «записке» мемуарного характера, посвященной «эпохе Пушкина» («Записка презабавная, но рассказы его изустные — прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина» — см. выше, стр. 512, исправленный по автографу текст Толстого). Действительно, вместе со своим письмом Толстой отправил Анненкову рукопись воспоминаний М. И. Пушина о Пушкине «Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом», и об этом было сказано в печати еще за полвека до публикации письма Толстого к Анненкову в т. 60. А именно: Л. Н. Майков в 1893 г. впервые напечатал воспоминания М. И. Пушина и процитировал несколько строк из письма Толстого к Анненкову («О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 году» — «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 159; вошло в кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 386—387). Что же касается оригинала «записки» Пушина, то он вместе с письмом Толстого к Анненкову поступил в 1896 г. в петербургскую Публичную библиотеку (см. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 г.» СПб., 1900, стр. 199—200), где и хранится до сих пор. И если бы редакторы т. 60, печатая текст письма Толстого к Анненкову, обратились к автографу, то увидели бы, что он находится на последней странице «записки» Пушина, вслед за ее окончанием.

Одна неточность обнаружена нами и в т. 67. Комментаторы этого тома считали, что письмо Толстого к редактору журнала «Revue des revues» от 14 марта 1894 г. (№ 81) печатается впервые. Между тем воспроизведение автографа этого письма было дано еще в 1903 г. в альбоме «Гр. Лев Толстой. Великий писатель земли русской в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, карикатурах и т. д.», составленном Пл. Н. Красновым и Л. М. Вольфом (стр. 66). Таким образом, не было оснований считать это письмо неопубликованным.

И. Зильберштейн